Семантика образа стерха в традиционной культуре якутов

Статья посвящена изучению семантики стерха в культуре Якутии. Затрагивается вопрос наличия «зооморфного кода» в традиционной культуре, участвующего в формировании картины мира. Дается общая характеристика орнитологических образов в картине мира саха. Систематизируются и последовательно раскрываются семантические характеристики образа стерха в якутской культуре. Согласно данным характеристикам стерх предстает как: воплощение свободы и отражение неизведанной стороны бытия; отражение духовного облика Срединной земли, посредник между небом и землей; олицетворение весны и счастья, как божество, персонифицированное в женском образе, прародительница, отражение женского начала; родовой тотем; как символ девичьей красоты, символ непорочности, как женщина-небесная шаманка, знак принятия мольбы шамана со стороны божеств. Анализ некоторых аспектов семантики стерха осуществляется с учетом их историко-генетических дополнений. Отдельно рассматриваются различные примеры фигурирования образа стерха в современной культуре Якутии.

Ключевые слова: культура Якутии, зооморфный образ, олонхо, культурогенез, семантика стерха, шаманизм

Uliana P. Suzdalova

Semantics of the Siberian crane image in the traditional culture of the Yakut people (Sakha people)

The article is devoted to the study of the semantics of Siberian crane in the culture of Yakutia. The question is raised about the presence of a "zoomorphic code" in traditional culture, which is involved in the formation of a picture of the world. The general characteristic of ornithological images in the picture of the Sakha world is given, the semantic characteristics of the Siberian Crane image in the Yakut culture are systematized and consistently revealed. According to these characteristics, the Siberian crane appears as: the embodiment of freedom and the reflection of the unknown side of life; reflection of the spiritual appearance of the Middle Earth, a mediator between heaven and earth; the personification of spring and happiness; as a deity personified in a female image; ancestor, a reflection of the feminine; tribal totem; as a symbol of girl beauty; symbol of integrity as a woman-heavenly shaman; a sign of acceptance of the prayer of the shaman from the deities. Analysis of some aspects of the Siberian crane semantics is carried out taking into account their historical and genetic additions. Various examples of figuring out the image of the Siberian Crane in the modern culture of Yakutia are separately considered.

Key words: culture of Yakutia, zoomorphic image, olonkho, cultural genesis, Siberian crane semantics, shamanism

DOI 10.30725/2619-0303-2020-1-90-96

Мифология всегда связана с мировоззрением народа, включая представления о создании и устройстве бытия. У якутов эти представления нашли наиболее полное выражение в древнейшем эпическом памятнике – Олонхо. В текстах Олонхо якуты воплотили сакральные понятия и абстрактные идеи, выразили индивидуальность и схожесть с другими народами. Олонхо насыщен символами, являющимися олицетворением космических сил и объектов природы.

Один из архаичных пластов мифологии Северных народов представляют зооморфные персонажи – различные звери, рыбы и птицы, связанные, в первую очередь, с тотемистическим началом и сопряженные с космологиче-

скими представлениями, а также с ритмиками и особенностями протекания природных процессов. Зооморфные мотивы, в целом, глубоко укоренены в истории человечества, начиная с периода первобытности и, по мнению М. Н. Храмовой, в процессе культурогенеза сформировали так называемый «зооморфный код», позволяющий посредством образов живых существ «кодировать представления общества об окружающем мире» [1, с. 13]. При этом, как отмечает Э. В. Измайлова, «животные служат особым „мостом“, связующим многие компоненты реальности и делающим их понятными, посредством зооморфной интерпретации. В свою очередь, пространственные пределы данной темы расширяются вплоть до

использования образов тех или иных животных при моделировании картины мира» [2, с. 53].

Среди зооморфных персонажей отдельную группу составляют орнитологические образы, являющиеся важной частью мифологии якутского этноса. Небо и птицы в представлениях якутов, никогда не терявших генетической связи с окружающим ландшафтом и никогда себя ему не противопоставлявших, являют собой символ свободы, органическую часть северной природы.

В якутской культуре представителями «птичьего пантеона», олицетворяющими небо и солнце, верность, привязанность к родному месту, являются орел, лебедь и другие птицы. Эти существа наделяются саха вещим даром, они посредники между небесными и земными силами. Особое место среди птиц занимает белый журавль – стерх (с якут. – «кыталык»), имеющий богатую палитру значений в представлениях якутов.

Образ стерха, чрезвычайно развитый в культуре якутов, а вместе с тем и его сакральные смыслы, сформированные в олонхо, устойчиво проявляют себя на протяжении всего этногенеза саха. Образ рассматриваемой птицы получил выражение в таких персонажах как: птица Айыы, символизирующая духовный облик матери-земли «Ийэ кыыл»; эпическая красавица Туйаарыма Куо; небесная шаманка Айыы Умсуур и др. Одной из функций данных персонажей является защита человека от злых духов, ограждение его от неприятностей разного рода. Такие представления, имея глубокие исторические корни, сохраняются и транслируются в наше время, проявляясь в современной культуре Якутии, включая ее традиционную и массовую составляющие.

Анализ мифологемы стерха, сформированной на основании комплексного воздействия «месторазвития», ценностных смыслов и деятельностных оснований культуры саха, позволяет выявить круг значений образа этой птицы в олонхо в нескольких ипостасях. Среди основных смыслов стерха, закрепленных в традиционной культуре Якутии, можно выделить его следующие коннотации:

- стерх как воплощение свободы и отражение неизведанной стороны бытия;
- отражение бескрайнего облика Срединной земли, посредник между небом и землей;
- олицетворение весны, сопричастное солнечной тематике;
- стерх как олицетворение счастья;
- как родовой тотем и геральдический образ;

- божество, персонифицированное в женском образе;
- прародительница, отражение женского начала;
- символ девичьей красоты;
- символ непорочности;
- как женщина-небесная шаманка;
- как знак принятия мольбы шамана со стороны божеств.

В пантеоне божеств, представленных орнитологическими образами, стерх занимает достаточно высокую иерархическую ступень, так как находится под покровительством Неба. Стерх, обитая, как и многие другие птицы, на земле и в небе, вхож в те стороны реальности, которые недоступны человеку. Отрыв от земли и полет издревле сакрализуются в разных культурах на уровне сопричастности летающих персонажей небесному миру и божественному пантеону. Отсюда вытекает соотнесение птиц с неземной гранью реальности, с которой человек, в силу своей природы, был неспособен соприкоснуться. Человек, воспринимая то, что ему недоступно, на уровне архетипов склонялся соотносить это с **таинственным, загадочным и сакральным**. В истории культуры полет рождал множество культов птиц, – **свободных**, недоступных и таинственных. В данном случае стерх не является исключением – его красота и грация издавна притягивали внимание якутов, иллюстрируя архетипические связи между саха и природой.

Образ стерха, точнее, его полет, наиболее ярко отражает **бескрайний облик Срединной земли**. Такое соотнесение приводится в эпосе «Кыыс Дэбилийэ»: *«Журавль высоко летая, шею вытянет / и, вокруг границ не найдя, / тревожно закурлычет – / с такими лугами необозримыми / с долами неохватными / с неоглядно-необозримой, / простирающейся ширью-поверхностью»* [3, с. 76–77]. Полет птицы определял широту долины, – несколько дней и ночей стерх расклевывал крыльями воздух и не достиг края, столь возвышенной и широкой была Средняя благодатная страна, где гнездились серые и зимуют белые журавли [4, с. 5]. Обитание в двух мирах делало стерха, гнездящегося в Срединном мире и парящего в небесах, своеобразным связующим началом – **посредником между небом и землей**.

У якутов издавна существует поверье, что стерх приносит на крыльях **весну**. На зимовку стерх отлетает в Японию, сосредотачиваясь главным образом на острове Кюсю [5, с. 5], возвращается в Якутию во второй половине мая. Данное поверье они могли перенять у тундренных юкагиров, где стерх приносит солнце на

своем клюве, а когда устает, то держит светило лапами, поэтому клюв и лапы у стерха красного цвета [6, с. 25]. Отмеченная семантика говорит и о **солярной** сопричастности образа стерха.

Статус стерха был настолько значим, что предки якутов представляли ее/его **птицей счастья**. Считали, что человек, увидевший однажды брачный танец белых журавлей или услышавший пение стерхов, обретет земное счастье, а тот, кто убил стерха, в скором времени погибнет.

Нередко стерх выступает **тотемом**, воплощаясь в соответствующих символах. Некоторые якутские роды использовали образ стерха в качестве тамги (родового фамильного знака). Например, согласно словарю Э. К. Пекарского, кэнтикские якуты Верхневилуйского улуса, славившиеся кузнечным и ювелирным мастерством, считают своим родовым тотемом белого журавля. Род Кыталык во втором Хатылинском наслеге Ботурусского (ныне Чурапчинского) улуса Якутского округа, согласно поверьям, также принадлежит к потомкам стерха [7, с. 91].

Рассматривая значимость и тотемный статус образа стерха в культуре саха, необходимо указать на его **геральдическую** коннотацию. Так образ стерха входит в герб одного из улусов республики – Момского улуса, где в лазоревом поле изображены два танцующих стерха с воздетыми крыльями.

Стерх, будучи дочерью бескрайнего Неба, олицетворяет собой **высшее женское начало**. Стерхи изображаются на великом древе жизни «Аал Луук Мас», в стволе которого обитает богиня земли и плодородия Госпожа Аан Алахчын. Семеро белых журавлей выступают помощниками богини и связывают мир людей с миром богов. Эти священные обитатели поднебесья в Олонхо наделены особыми возможностями, магическими качествами и даже женскими антропоморфными чертами внешности.

В Олонхо («Строптивный Кулун Куллустуур») описывается **происхождение народа саха, сопричастное образу стерха**, речь о наипервейшей из женщин, могущественной из богатырок Кюн Толомон Нюргустай, которой было предначертано стать прародительницей якутов и которая умела превращаться в стерха [4, с. 20]. Чаще всего в изображении стерха присутствует сочетание образа женщины и птицы: стерха представляют полуптицей-полуженщиной, к которой принято обращаться «Ийэ-кыыл» (ийэ – от якутского «мать», кыыл – «существо»). Определение «Ийэ кыыл» усиливает мифологическую значимость стерха и подчеркивает ее цель стать прародительницей племени «ураангхай саха». Ей было предначертано давать и со-

хранять жизнь, благословлять, дано оберегать, предвидеть грядущую опасность и будущее.

Существует легенда о восьми девушках-стерхах, спутницах верхних божеств, младшей из которых Ийээхсит (богиня плодородия, покровительствующая женщинам и материнству) подрезала крылья и отправила в Срединный мир для размножения саха. Таким образом, стерх является не только **прародительницей**, но и божественным воплощением **женской энергии, дарующей жизнь**.

Олицетворяя собой поклонение саха женскому началу, стерх является **символом девичьей красоты**. Исполнители олонхосуты, описывая внешность главной героини Туйаарыма Куо, сравнивали ее со стерхом: девушка как белоснежная птица со стройными ножками, сверкающими глазами и звонким поющим голосом. В эпосе «Нюргун Боотур Стремительный» душа красавицы превращается в стерха, прилетает к богатырю и просит о помощи [8, с. 99].

В якутской культуре птица стерх и сегодня остается воплощением девичьей красоты в народном сознании. В словосочетании «Кыталык Куо» (Девушка Стерх) выражалось все многообразие особенностей, отличающих статус совершеннолетней девушки от других групп женской половины общины. Наделенность девушки этими качествами относилась к периоду зрелости до вступления в брак. Указанная семантика прослеживается в названии ежегодного конкурса красоты проводимого в наши дни в Санкт-Петербурге среди якутянок – «Кыталык Куо». Организатором конкурса выступает Ассоциация молодежи и студентов Якутии «Сайдыы» при поддержке Постоянного представительства Республики Саха при Президенте России. Цель конкурса – популяризация национальной культуры и традиционного образа якутской девушки.

Предки якутов почитали **непорочность** и запечатлели ее в мифологии как одну из добродетелей, которая в сюжетах олонхо представляется в виде стерха, чей белый окрас символизирует девственность. Как писал Н. А. Алексеев, этот символ ярко проявился и в обрядовых действиях якутских шаманов, которые, испрашивая счастья у богов, чтобы те открыли лучезарный путь, взамен им предлагали не сходявшихся с мужчинами, подобных стерхам девушек-прислужниц [9, с. 91].

Еще одним примером воплощения образа стерха в культуре Якутии выступает **небесная шаманка**, способная перевоплощаться в данную птицу. Указанный персонаж получил несколько конкретизаций. Так, в эпосе «Могучий Эр Соготох» шаманка, будучи связана с верхним

миром и являясь старшей дочерью божества Господина Айынг Сизр и величавой Госпожи Айыы Нуоралджын, неоднократно спускается на землю в образе белого стерха. Еще одним воплощением небесной шаманки выступает шаманка Джаргыл – ворожея Верхнего мира, которая становится птицей-стерхом и спускается на землю, чтобы рассказать о судьбе ребенка племени Ураангхай, чьим воспитанием занимались Воины Верхнего мира [10, с. 93]. В эпосе «Нюргун Боотур Стремительный» воплощением стерха выступает небесная шаманка-удаганка Айыы Умсуур, старшая сестра богатыря Нюргуна Боотура, его покровительница и помощница в боях [8, с. 424].

Образ стерха нередко фигурирует как **знак принятия камлания шамана со стороны божеств**. Так в историческом предании об Омогое и Эллье говорится, что в знак принятия мольбы шамана с верхнего неба спускаются три белые птицы, иногда прямо говорится, что это были стерхи. Они облетали местность, благословляя народ саха и мирную жизнь [6, с. 22]. Так же данный сюжет воспевается и в олонхо. Шаманка Айыы Умсуур в виде Священной птицы с человеческого речью парит над головой богатыря Айыы, благословляет его и во время битвы дарует сгусток силы в виде яйца, проглотив которое главный герой одерживает победу над врагом [8, с. 130].

Кроме того, образ шаманки-стерха воплотился в танцевальной традиции якутов, при этом сохранив основные компоненты пластики шаманского действа: имитационно-подражательный элемент, звукоподражание, передающие образ птицы. В наши дни наиболее показательным является творчество государственного театра танца имени С. Зверева – Кыыл Уола. «Танец стерхов» в его репертуаре снискал большую зрительскую любовь и стал визитной карточкой коллектива. Исполнительницы танца своей пластикой рожают чувство их отождествления с сакральным образом стерха, тем самым очеловечивая его. Еще одним примером танца, связанного с образом стерха, является танец «Осуохай», сопровождаемый пением и плясками, взявшихся за руки участников, подражающих стерхам [11, с. 52–53]. В современную обрядовую практику якутов входит благословение Алгыс – кормление священного огня, в честь праздника ысыах, сопровождающееся ритуальным танцем «Битии» в исполнении девяти парней и восьми девушек, подобных стерхам, которые располагаются композиционно-пространственно в виде журавлиного клина перед шаманом [9, с. 91].

Таким образом, рассмотренные аспекты семантики стерха, присутствующие во всех историко-генетических пластах культуры Якутии, сформировали сложный спектр значений, продолжающий бытовать и на современном этапе культурогенеза якутов. Исходя из того, что культурогенез представляет собой не только процесс зарождения культуры, но и ее дальнейшее воспроизводство, включая ее постоянное сохранение, трансляцию и обновление [12, с. 7], изучение семантики стерха в культуре саха необходимо вести с учетом не только традиционной, но и инновационной составляющей.

Анализ развития традиционных культур показывает, что даже в самых устойчивых фазах их генезиса присутствует инновационный аспект. Инновации, появляясь время от времени и проходя «естественный отбор» культуры, через некоторое время могут становиться традициями, внедряясь в ткань культуры и становясь органической частью ее «генома». Как показывают исследования С. Т. Махлиной, многие аспекты культуры, воспринимаемые на массовом уровне как исключительно традиционные, вполне могут быть относительно недавними инновациями. В данном случае интересен пример, приводимый С. Т. Махлиной о развитии промыслов лаковой миниатюры в русской культуре. Так исследователь пишет, что распространенные шкатулки из папье-маше, где на черном фоне изображаются сцены из сказок Пушкина, романтизированного крестьянского быта, природные мотивы, являются инновацией столетней давности. До революции данные промыслы были ориентированы на иконопись, однако в рамках идеолого-политического контекста советского времени их тематика была переориентирована на новый лад, спустя полвека став «традиционной» [13, с. 72].

И. В. Леонов и В. Л. Соловьева, рассматривая современное состояние этно-сувенирной продукции, также отмечают ее преобразование в отношении размытия традиций. Данные преобразования могут быть вызваны влиянием «ожидаемых образов» со стороны массового потребителя, действием стереотипов, но так же и естественным ходом историко-генетических изменений культуры. В частности исследователи фиксируют, что за последние три столетия в пространство русского фольклора проник ряд инноваций, во многом сформировавших его традиционный облик. Среди таковых инноваций авторы называют: самовар; балалайку; Петрушку; матрешку; русские сказки в интерпретации А. С. Пушкина, «вернувшиеся» в народную среду; песни „Из-за острова, на

стрежень" на слова Д. Н. Садовникова и „Ой, мороз, мороз“, законченный вариант которой связан с именем М. П. Уваровой, также ставшие „народными“; иллюстрации к русским сказкам, выполненные И. Я. Билибиным, дополнившие образы традиционного фольклора у современников и потомков, а также многие другие феномены» [14, с. 96].

В данном ракурсе показательно то, что образ стерха, укорененный в культуре якутов, продолжает не только транслироваться в буквальном аутентичном старине виде. Отмеченный образ преобразуется, включает инновационные составляющие и воплощается во многих гранях современной культуры саха, достаточно далеких от ее традиционных оснований. Тем не менее он остается частью генома культуры, сохраняя его инвариантную часть даже в условиях инновационной вариативности. Достаточно ярким примером трансляции рассматриваемого образа является сфера художественной культуры, во многом выходящая за рамки традиционного фольклора, однако сохраняющая его «первофеномены».

В частности, современная ювелирная продукция, создаваемая в Якутии, в большей степени соответствуют аутентичным традиционным формам, обретая лишь незначительные вариативные и допустимые трансформации. В данном случае интересен опыт ювелирной фирмы «Уран Саха», которая занимается производством и продажей изделий с национальным колоритом. Важно отметить, что и эмблема компании содержит изображение священной птицы – стерха, устремленного к солнцу. Художники-ювелиры компании являются авторами таких эксклюзивных изделий, как золотой венец «Кыталык Куо», корона «Мисс Якутия», которые украшали головы первых красавиц республики. Примечательно, что венец «Кыталык Куо» в переводе означает «Девушка Стерх»: по центру венца изображена священная птица, апплицированная растительными орнаментами. Так же особенности изобразительного воплощения и семантику образа стерха раскрывают ушные украшения, подвески и другие изделия «Уран Саха». Кыталык запечатлевается в динамике полета или в танцевальном движении, чаще всего попарно.

Кроме того, образ стерха воплощается и в других гранях современной художественной культуры Якутии. В частности, помимо рассмотренных танцев и ювелирного искусства, отмеченный образ находит свое проявление в театральном искусстве. Театр Олонхо ставит спектакли по мотивам якутского эпоса. В его репертуаре есть спектакли, отражающие

культуру якутского этноса, направленные на трансляцию его исторической памяти и сохранение этнокультурных традиций. Например, в спектакле «Кыыс Дэбиллээ» (реж. А. Борисов, 2000) стерх выступает символом окончания бранных лет и знаменует наступление мира на Срединной земле. В постановке «Воительница Джырыбына Джырылыатта» (реж. М. Корнилова), созданной по мотивам сказаний олонхосута П. П. Ядрихинского – Бэджээлэ и претендовавшей на получение российской национальной театральной премии «Золотая маска», стерхи спускаются на землю, чтобы напоить девушку-богатырку живительным напитком. В спектакле Степаниды Борисовой «Удаган кыргыттар» («Девушки шаманки», 2015) две сестры-ведуньи для мистического странствия превращаются в стерхов, которые понимают человеческую речь и умеют разговаривать.

Сегодня образ стерха находит свое проявление в самых разных областях современной культуры Якутии, включая ее повседневную и праздничную составляющие. Например, изображение стерха встречается на логотипах, торговых марках, эмблемах организаций. В данном случае наглядными примерами служат изображения стерха на логотипе отеля «Стерх», на эмблеме страховой фирмы «Стерх» и т. д. В 2019 г. в рамках национального проекта «Экология» в Аллаиховском улусе Якутии была открыта особо охраняемая природная территория федерального значения – национальный парк «Кыталык». Основной целью проекта является сохранение восточносибирской популяции стерха. Белые журавли внесены в Международную Красную книгу как вид, находящийся под угрозой исчезновения, и как редкий вид – в Красную книгу РФ. Еще одним примером использования образа стерха является компания «Кыталык», которая занимается изготовлением оригинальной сувенирной продукции из фарфора, росписью посуды, традиционной утвари для обрядов, предметов интерьера в национальном стиле. Примечательно, что в изображении товарного знака организации запечатлены два стерха в полете. Отдельно следует упомянуть Заслуженный коллектив народного творчества РФ «Кыталык», который на протяжении 40 лет под руководством В. Винокурова успешно осуществляет учебно-воспитательную, творческую деятельность, вносит вклад в развитие духовности, сохраняя и преумножая культурное наследие народа саха. Логотип коллектива имеет глубокий смысл – танцующий человек с воздетым крылом стерха. Кроме того, в 2017 г. в Московском метро начал курсировать тематический электропоезд «Дальневосточный

экспресс» по Таганско-Краснопресненской линии. Вагон Республики Саха украшен изображениями мамонта, музыкального инструмента варгана, алмазов и белого журавля – кыталык как яркого символа земли Олонхо.

Данные обстоятельства позволяют говорить, что образ стерха устойчиво бытует в культе саха, проникая в ее новые сферы в условиях современности, однако сохраняя свой значимый статус.

Завершая обзор семантических воплощений образа стерха в культуре саха, необходимо указать, что рассматриваемая проблематика высвечивает важный вопрос – выявление пределов допустимых отклонений от историко-традиционных аспектов культуры в контексте реалий современности. Многие составляющие традиционных культур, оказавшись в пространстве модернизации и глобализации, нередко утрачивают свои исторические корни в потоке динамичных преобразований. Отмеченная ситуация ставит перед научным сообществом актуальную задачу изучения процессов трансформации традиционных аспектов культуры, способных привести к резким сдвигам ее культурного генома. В данном случае необходим поиск критериев, способных фиксировать допустимые степени преобразования традиционных компонентов культуры в инновационном мире. Вполне перспективной в рассматриваемом случае предстает работа по созданию рекомендаций по производству продукции, относящейся к сфере этно-традиционной, включая разработку соответствующей культурологической экспертизы, аналитики и прогностики, что полностью соответствует актуальной на сегодняшний день задаче повышения практикоориентированного потенциала российской культурологии [15, с. 9]. Учет указанных обстоятельств должен способствовать взвешанной культурной политике, направленной на сохранение историко-генетических первооснов традиционных культур, составляющих богатую палитру региональных и этнических культур России, а также их гармоничному вхождению в реалии глобализирующегося и динамично развивающегося мира без резких «тектонических разломов».

Список литературы

1. Храмова М. Н. Специфика образных представлений о животном мире // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 1 (18). С. 12–17.
2. Измайлова Э. В. «Тематический анализ» культуры детства: общая характеристика и перспективы приме-

нения // Человек. Культура. Образование. 2019. № 1 (31). С. 50–62.

3. Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Якутский героический эпос «Кыыс Дэбилийэ». Новосибирск: ВО «Наука», 1997. 327 с.

4. Строптивый Кулун Куллустуур. Куруубай хааннаах Кулун Куллустуур: якутское олонхо / сказитель И. Г. Тимофеев-Теплоухов; запись В. Н. Васильева. Москва: Наука, 1985. 609 с.

5. Антонов А. К., Дегтярев В. Г. Журавлиная марь: по материалам экспедиций. Якутск: Сахаполиграфиздат, 2006. 34 с.

6. Винокурова У. А., Артамонов А. А. Культ стерха в культуре народа Саха. Якутск: Бичик, 2009. 128 с.

7. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. Москва: АН СССР, 1959. Т. 2, вып. 5/9. 648 с.

8. Нюргун Боотур Стремительный: Якутский героический эпос олонхо / воссоздал на основе народных сказаний П. А. Ойунский; пер. на рус. яз. В. Державин. Якутск: Кн. изд-во, 1975. 438 с.

9. Алексеев Н. А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX в. Новосибирск: Наука, 1975. 198 с.

10. Якутский героический эпос. Могучий Эр Соготох / сказитель В. О. Каратаев; пер. П. Е. Ефремова и др.; ред. пер. Е. Н. Кузьмина, С. П. Рожнова. Новосибирск: Наука, Сиб. изд. фирма РАН, 1996. 439 с.

11. Жорницкая М. Я. Народные танцы Якутии. Москва: Наука, 1966. 167 с.

12. Бондарев А. В. Отечественная культурогенетика: истоки, развитие и современное состояние (вместо предисловия) // Культурогенез и культурное наследие / науч. ред. и сост. А. В. Бондарев. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитар. инициатив, 2014. С. 7–28.

13. Махлина С. Т. Палех вчера и сегодня // Петербургские искусствоведческие тетради. Санкт-Петербург: Ассоц. искусствоведов, 2017. Вып. 43. С. 70–85.

14. Леонов И. В., Соловьева В. Л. Этно-традиционный сувенир в пространстве массовой культуры // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 1 (38). С. 93–98.

15. Иконникова С. Н., Леонов И. В. Российская культурология в новой парадигме модернизации // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. № 4 (37). С. 6–10.

References

1. Khramova M. N. The specifics of figurative representations of the animal world. *Bulleten of the St. Petersburg State University of Culture and Arts*. 2014. 1 (18), 12–17 (in Russ.).
2. Izmailova E. V. «Thematic analysis of childhood culture: general characteristics and perspectives in applying». *Man. The Culture. Education*. 2019.1 (31), 50–62 (in Russ.).
3. Folklore monuments of the peoples of Siberia and the Far East. Yakut heroic epic «Kyys Debiliye». Novosibirsk: VO Nauka, 1997. 327 (in Russ.).

4. Timofeev-Teploukhov I. G. (storyteller), Vasiliev V. N. (rec.) The obstinate Kulun Kulustuur. Kuruubai haannah Kulun Kulustuur: Yakut olonkho. Moscow: Nauka, 1985. 609 (in Russ.).
5. Antonov A. K., Degtyarev V. G. Crane gauze: based on expedition materials. Yakutsk: Sakhapoligrafizdat, 2006. 34 (in Russ.).
6. Vinokurova U. A., Artamonov A. A. Cult of the Siberian Crane in the culture of the Sakha people. Yakutsk: Bichik, 2009. 128 (in Russ.).
7. Pekarsky E. K. Dictionary of the Yakut language. Moscow: USSR Acad. of Sciences, 1959. 2, 5/9. 648 (in Russ.).
8. Oyunsky P. A. (reated based on folk tales), Derzhavin V. (transl.) Nyurgun Botur the Swift: Yakut heroic epos olonkho. Yakutsk: Publ. house, 1975. 438 (in Russ.).
9. Alekseev N. A. Traditional religious beliefs of the Yakut in the XIX–XX centuries. Novosibirsk: Nauka, 1975. 198 (in Russ.).
10. Karataev V. O. (storyteller), Efremova P. E. (transl.), Kuzmina E. N. (ed. transl.), Rozhnova S. P. (ed. transl.) Yakut heroic epic. Mighty Er Sogotokh. Novosibirsk: Nauka, Siberian Publ. Company RAS, 1996. 439 (in Russ.).
11. Zhornitskaya M. Ya. Folk dancing of Yakutia. Moscow: Nauka, 1966. 167 (in Russ.).
12. Bondarev A. V. Russian cultural genetics: the origins, development and current state (instead of the introduction). *Cultural genesis and cultural heritage* / sci. ed. and comp. A. V. Bondarev. Moscow; Saint-Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2014. 7–28 (in Russ.).
13. Makhlina S. T. Palekh yesterday and today. *Petersburg art notebooks*. Saint-Petersburg: Assoc. of Art Critics, 2017. 43. 70–85 (in Russ.).
14. Leonov I. V., Solovyova V. L. Ethno-traditional souvenir in mass culture. *Bulleten of the Saint-Petersburg State Institute of Culture*. 2019. 1 (38), 93–98 (in Russ.).
15. Ikonnikova S. N., Leonov I. V. Russian cultural studies in a new paradigm of modernization. *Bulleten of the Saint-Petersburg State Institute of Culture*. 2018. 4 (37), 6–10 (in Russ.).